

ЭТО ПРОСТО НАША РАБОТА

ЧАСТЬ 1. БЕЖЕНЦЫ

Надо быть честным, хотя бы перед самим собой: я — журналист, поэтому я зарабатываю на этой войне точно так же, как эти улыбчивые и смелые ребята из американского спецназа, русской морской пехоты, иранской военной разведки, турецкие танкисты, французские артиллеристы... Нас тут много: целый Вавилон наций скопился на куске земли под названием Сирия. Официально — тут идет война «цивилизованного мира против международного терроризма». Вот мы и зарабатываем — «цивилизованный мир» начисляет нам зарплаты и премии.

Миша — оператор основного российского телеканала. Прежде чем взять видеокамеру, он натягивает на себя бронезилет, каску, закидывает за спину автомат АК-74, сбоку навешивает пистолет ТТ. Даже гранату РГД с вкрученным запалом бережно укладывает в боковой карман камуфлированных штанов. Я говорю ему: «Миш, раз тебе так нравится таскать на себе военную амуницию, попросись у кого-нибудь из полковников или генерала (я называю фамилию командующего российским экспедиционным корпусом в Сирии), пусть тебя оформят контрактником-вожаккой. Будешь валить „бармалеев“». Миша смотрит на меня с подозрением: «Ты чё, я же журналист — я не могу участвовать в боевых действиях, этика не позволяет». Ну да, а кроме этики, ведь военному надо соблюдать дисциплину, никаких ежедневных попок, надо выполнять приказы тех командиров, которых мы за глаза называем крысами, потому что они приехали сюда ради звезд и новых званий.

С другой стороны — может, я и не прав со своим сарказмом. Миша собирается на эксклюзив — со взводом разведки он должен зайти на пять километров в глубь территории «бармалеев». Конечно же, как честный оператор он обязан будет защищать свою камеру с отснятым материалом до последнего патрона и последней капли крови, если нарвутся на засаду. Это журналистский долг.

С точки зрения крутых военкоров, ежедневно или хотя бы раз в неделю выезжающих на линию фронта, на самый «передок», я — лентяй. Ведь я предпочитаю собирать материал для своих текстов на «освобожденных» территориях либо в районах, которые за все шесть лет конфликта боевые действия вообще ни разу не за-

Александр Сергеевич Рыбин родился в 1983 году в г. Кимры Калининской области. Окончил филологический факультет Тверского университета. Работает фрилансжурналистом. Первая публикация — в журнале «День и ночь» в 2008 году. Лонг-листер премии «Неформат», Бунинской премии и премии имени В. П. Астафьева (2008). В 2012 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» с повестью «Современный кочевник». До отъезда в ЛНР жил во Владивостоке. Публиковался в различных литературных изданиях.

тронули. Я выезжаю на «передок» обычно не чаще одного раза в месяц. Нет, напрямую мне не говорят: «Сань, ты — лентяй». Во время очередной попойки мне отчетливо намекают на это: «Завтра поедешь с нами на „передок“?», «А чего не хочешь? Скучно тут по тылам сидеть. Смотри, разжиреешь и писать разучишься среди тыловой расслабухи».

Если прямо спросить солдата или офицера: «Зачем вы участвуете в этой войне?» — то в ответ они будут нести заученные мантры про борьбу с террором, гуманизм, общечеловеческие ценности... Поэтому обычно спрашиваю: «Что вы будете делать с деньгами, заработанными во время сирийской командировки? Ведь вы же рисковали жизнью, чтобы заработать их? Наверное, их надо потратить на что-то важное?» И они раскрываются. Разумеется, они все строят планы, на что потратят деньги, заработанные на «защите цивилизованного мира».

Капитан Моррис, командир взвода американского спецназа, им восхищаются все девочки-журналистки, аккредитованные в нашем пресс-центре, — высокий, мускулистый, голубоглазый, участник самых лихих операций в тылу «бармалеев». Я точно знаю, что, по меньшей мере, трем из девочек-журналисток удавалось пробраться в его постель: Софья из Украины, Берфин из Турции и француженка Люси (с ней совокупаются все журналисты, кто торчит в Сирии больше месяца безвылазно) — они гордятся этим как трофеем, как высокой наградой.

Моррис ответил мне: «Я наконец дострою свое ранчо. У меня есть земля в Айдахо. Наш дед, приплывший из Англии в Штаты, построил там огромный дом — он был настоящий ковбой, защищал свою землю от индейцев. Отец пристроил к дому еще несколько помещений — для хозяйственных нужд, летнюю спальню, летнюю кухню. Но когда мне было пятнадцать лет, случился страшный пожар, ужасный. Сгорели дом и все постройки. Чудом никто из членов нашей семьи не пострадал. Двадцать лет мы по новой отстраиваем ранчо. Отец сейчас болеет, брат живет в Нью-Йорке. Брат забрал отца к себе. Я один занимаюсь домом и хозяйством. Я прикидывал уже, за три командировки в Сирии заработаю достаточно, чтобы как раз довести до ума дом, хозяйственные постройки и кой-чего по мелочи достроить».

Над центром Дамаска разворачивается военно-воздушный штурмовик — заходит для атаки на пригород Джобар, где засели «бармалеи». Наверное, это французы — они анонсировали, что сегодня «будут наносить массированные авиаудары» (цитата из пресс-релиза Генерального штаба Французской Республики). От Старого города, торгово-исторического сердца Дамаска, до Джобара пятнадцать минут быстрой ходьбы. Трехлетняя Лиля спрашивает русскую маму Татьяну: «Мама, этот самолет заберет нас в Россию?» Гул боя в Джобаре отчетливо слышен в Старом городе, где мы сидим на веранде маленького кафе. Татьяна отвечает: «Да, но он ждет, когда мы оформим все документы, поэтому летает над нами кругами».

У Татьяны четверо детей. Муж — сириец. Они поженились еще в советское время, почти 26 лет назад. Татьяна переехала в сирийский город Ракку — к родителям мужа. Жили, однако, на две страны. Двое детей родились в России, двое — в Ракке. Имена у детей тоже двойные: арабское и обязательно эквивалентное ему русское.

Ракка — административный центр одноименной области, ничем не выдающийся, небогатый, почти без культурно-исторических объектов. От былых времен там сохранились лишь четырехсотлетние каменные Багдадские ворота — высокая стрельчатая арка и фигурно выложенные бурые кирпичи поверх нее. Хотя подобные развалины путеводители по Сирии даже не упоминают — слишком незначительны, —

местные власти оградили ворота металлическим забором как единственную достопримечательность. В оставшемся от французских колонистов здании расположили музеи. Через город проходит Евфрат, но в том течении он мелкий, узкий, совсем не похож на великую реку, возле которой зародилась одна из древнейших цивилизаций.

В общем, турист забрести в Ракку мог лишь по недоразумению. Тем не менее постепенно в городе увеличивалось количество «русских жен» («русскими» в Сирии называют всех выходцев из бывшего СССР, а замуж за сирийцев выходили в основном уроженки Украины или Средней Азии) и русскоговорящих детей. В 2010 году даже открылся Русский культурный центр. О том, с каким радушием жители Ракки и окрестных деревень относились к русским, знаю по себе. За год до войны я провел там несколько дней.

Когда в Сирии началась война, Ракка — и город, и область — долгое время оставалась тихим и спокойным местом. Без боя правительственная армия Сирии весной 2013-го покинула город, и контроль над ним перешел к «бармалеям». «Как-то утром просыпаемся, а город весь увешан черными флагами „бородачей“ и ни одного государственного», — рассказывает Татьяна. (Несколько подряд таких малопонятных отступлений правительственной армии стали причиной, почему в сирийскую войну вмешались «ведущие государства цивилизованного мира».)

Женщинам, привыкшим ходить, в чем захочется, пришлось одеться в традиционные для консервативного мусульманского общества наряды — наподобие тех, которые носят в Саудовской Аравии: все черное, только глаза открыты, черные перчатки, черная обувь. Мужчинам, кто не исповедовал «бармалейскую» версию ислама, предлагался выбор: сменить религию либо платить специальный «налог за веру». В случае отказа казнили, отрубали головы.

В январе 2014-го у «бармалеев» в Ракке происходили разборки между разными отрядами. Десять дней шли бои с применением тяжелой техники: танки, БМП, самодельные броневики, тачанки (пикапы с установленными в кузове крупнокалиберными пулеметами). «Цивилизованный мир» в эти разборки не вмешивался: пусть «бородатые» сами себя перестреляют, а мы потом подтянемся и перебьем оставшихся, — рассуждали старшие офицеры в Координационном центре многонациональной коалиции по борьбе с террором. «Бармалеи», правда, больше, чем своих чужих, перебили мирных жителей, которые не понимали кто, где и за кого, а за продуктами на базар ходить надо было. Базар пустовал лишь первые пару дней боев, затем перешел на обычный режим работы. Несколько минометных зарядов залетели и в торговые ряды — сколько именно было погибших, Татьяна не знает. «Никто их не считал. Приехали „бородачи“ на трех пикапах и приказали стоявшим поблизости людям грузить трупы по их кузовам. И куда-то увезли», — рассказывает Татьяна. Пока продолжались бои, в городе не было ни центрального водоснабжения, ни электричества. Гражданские гибли от случайных и преднамеренных выстрелов, когда шли за водой на Евфрат. Гибли, когда ходили, чтобы купить сольярку для генератора.

Среди «бармалеев» в Ракке было много таджиков, азербайджанцев и чеченцев. «Были уйгуры из Китая, европейцы, алжирцы, американцы. А сирийцев почти не было, совсем мало», — добавляет старший сын Татьяны шестнадцатилетний Саша. Три дня он просидел в тюрьме. Патруль «бармалеев» увидел, как Саша во дворе школы разговаривает с девочкой. Родственницей она ему не приходилась. За это — тюрьма. Родителям не сообщили. «У нас в городе голодали после того, как „бородатые“ пришли: заработков нет, еду у крестьян они для себя отбирали. Нам есть нечего, а они недоеденные куски выбрасывали в мусор. Я видел, как охранники смахивали недоеденное со столов прямо в мусорные баки», — рассказывает Саша. Через три дня

его отпустили. Пообещали, что в следующий раз при «нарушении мусульманских правил» ему придется сидеть в тюрьме гораздо дольше.

Школы еще некоторое время работали, но дочери Татьяны отказывались туда ходить, потому что не хотели следовать «бармалейскому» дресс-коду. Позже все старые школы закрыли, открыв вместо них религиозные. Христианские церкви сожгли, огромную шиитскую мечеть, построенную на деньги Ирана, взорвали. Православной Татьяне пришлось формально принять ислам: в семье денег на уплату «налога за веру» не было.

На улицах «бармалеи» проводили публичные казни. Головы рубили виновным в тяжких преступлениях и заподозренным в сотрудничестве с «цивилизованным миром». Специально жителей города смотреть на казни не созывали. На одной из площадей, обычно поближе к базару, собирались «бармалеи», быстро вершили суд, объявляли приговор и тут же его исполняли. Если поблизости оказывались дети, их не отгоняли. Никто из местных в происходящее не вмешивался — стал бы следующей жертвой.

Сирийские лиры в городе больше не ходили — вместо них доллары США. В автобусах, в магазинах, на базаре расплачивались только американской валютой.

Вслед за боевиками в городе появились их семьи. Своим детям и женам «бармалеи» раздали стрелковое оружие. Обряженные в черные одежды женщины расхаживали с автоматами Калашникова через плечо. Сирийцам, пожелавшим покинуть город, не мешали. Между Раккой и территорией, подконтрольной правительственной армии и другим вооруженным силам «цивилизованного мира», продолжали курсировать рейсовые автобусы. Можно было, например, без пересадок доехать до Дамаска — за восемьдесят долларов. «Хочешь жить в Ракке — следуй их законам. Не хочешь — уезжай. Но под их законами невозможно жить, они создают такие условия, чтобы сирийцы уезжали. „Бармалеи“ зачищают нашу землю для себя, для своего государства», — рассуждает Саша.

Те, кто выезжал на территорию, подконтрольную «цивилизованному миру», и возвращался, рассказывали, что солдаты обещают: вот-вот пойдут в наступление, освободят город. Татьяна и ее муж, как и многие другие жители Ракки, надеялись на это и ждали. Международная авиация бомбила Ракку — и «бармалеев», и гражданских. Во время налетов трехлетняя Лиля кричала от страха. Но освободители не шли. Отец семейства отправился на заработки в Турцию. Высылал оттуда деньги. Татьяна решила бежать из Ракки, когда узнала, что «бармалеи» могут забрать себе в жены ее тринадцатилетнюю дочь без согласия родителей. Сели в автобус и без каких-либо проблем уехали.

Пятый месяц Татьяна с детьми живет в гостинице в Дамаске. За исключением, пожалуй, трех известнейших и самых дорогих гостиниц сирийской столицы — «Шам», «Четыре сезона» и «Дама Роуз», где селятся обычно иностранные журналисты, старшие иностранные офицеры и делегации, — остальные забиты беженцами из разных районов страны. Некоторые из пригородов Дамаска; ни одежды, ни других необходимых вещей с собой не взяли, рассчитывая, что их район, захваченный «бармалеями», «цивилизованный мир» быстро освободит. Но проводят в гостиницах не первый месяц.

Татьяна уже не верит, что когда-нибудь вернется в Ракку. Она видела парад «бармалеев». Они согнали захваченную у наземных сил «цивилизованного мира» технику: танки, броневики, артиллерию, ракетные установки. Победить армию с таким арсеналом невозможно, уверена Татьяна.

Сейчас она занята оформлением документов, чтобы увезти детей в Россию. Ожидание и бюрократическая мороза с российским посольством в Дамаске. Семья, ли-

шившаяся всего имущества, вынуждена платить десятки тысяч сирийских лир (сотни долларов) за каждую справку. Никаких скидок от чиновников МИДа не добиться — те сухо ссылаются на правила и инструкции.

Я слушаю Татьяну и ее детей несколько часов, до поздней ночи. Параллельно с разговором мы пьем крепчайший кофе «мырра», едим местные сладости. С наступлением темноты усиливается гул боя в Джобаре. Саше пора идти смотреть футбол: сегодня играет «Реал» против «Ливерпуля» — матч транслируют на большом мониторе на первом этаже гостиницы, в которой живет его семья. «Когда мы приедем в Россию, я хочу стать игроком московского ЦСКА», — говорит Саша. Другие дети Татьяны еще не знают, чем займутся в России. Но они уверены, что там им будет лучше, чем в Сирии.

Калаат-Маркаб — самая впечатляющая из крепостей крестоносцев на всем Ближнем Востоке. Сложена из тесаных блоков черного базальта, скрепленных между собой толстыми слоями белоснежного раствора. Это сочетание делает крепость издали похожей на странное шахматное поле, поставленное на ребро. По конструкции Калаат-Маркаб словно продолжение горы, в вершину которой вмурован. Он стоит на высоте в четыре сотни метров над уровнем моря. До моря, оно к западу, — пара километров. На восток гряда Антиливанских гор. Эта крепость была последним оплотом крестоносцев на Ближнем Востоке. Когда она пала, мусульмане стали полновластными хозяевами всего сирийско-ливанско-палестинского побережья Средиземного моря.

Вместе с итальянкой Анджелой — она репортер самого известного еженедельного журнала в Риме — я поднимаюсь к черно-белым стенам Маркаба. К нему от моря ведет единственная асфальтовая дорога. На обочинах заросли высоких кактусов. Я рассказываю итальянке историю крепости, которую обустраивали и обороняли ее, а не мои предки.

«Крепость построили арабы в середине XI века, — рассказываю я Анджеле, она держит меня за локоть длинными пальцами, заканчивающимися ярко-красным лаком на ногтях. — В начале XII века ее ненадолго, на пятнадцать лет, захватили византийцы. Возвели православную часовню, расписали стены фресками. В 1118 году византийцы продали крепость крестоносцам из Антиохийского герцогства, а те через пятьдесят лет передали недвижимость Ордену госпитальеров. Госпитальеры возвели свои оборонительные сооружения, обустроили внутренние помещения. Выложенные из черных блоков внешние стены и круглые башни производили сильное и в то же время мрачное впечатление на местные племена, не привыкшие к таким крепостям. В Сирии до того крепости строили чаще всего из красного камня. — На дороге, по которой мы поднимаемся, ни одного автомобиля. Я рассчитывал, что мы доедем на попутке, обещал это Анджеле. Дорога достаточно круто серпантинном взбегаем вверх. С других сторон от крепости вообще отвесные склоны. Вижу, итальянке тяжело подниматься. Она даже закусила нижнюю губу от напряжения и сильнее стискивает пальцами мой локоть. Я рассказываю, чтобы отвлечь ее от трудностей подъема. — Многократный победитель крестоносцев султан Египта и Сирии Салах-ад-Дин в 1188 году подошел к Маркабу. Однако не решил отправлять свое войско на штурм и отступил. В 1285 году после пятидневной осады Маркаб взяли мамлюки. В начале нынешней войны крепость, она тогда была музеем, захватили „бармалеи“ и пару месяцев обстреливали отсюда окрестные деревни, пока их не выбил правительственный спецназ. Вообще это объект стратегического значения — отсюда при наличии тяжелой артиллерии можно бомбить порты Баньяса и Тартуса. Поэтому сейчас Маркаб охраняет рота немецких десантников».

Мы дошли до блокпоста. На блокпосту четверо солдат сирийской армии. Таковы правила — места дислокации иностранных войск по внешнему периметру охраняют местные солдаты или полиция. Объясняю старшему по званию из сирийцев, что у нас договоренность с немцами на посещение, показываю аккредитации от Министерства информации Сирии. Другие солдаты поглядывают и улыбаются Анджеле — ей было бы приятно это внимание, но она слишком устала. Все, что она может, изобразить губами и глазами нечто среднее между извинением и желанием заснуть.

Приходит немецкий офицер. Узнав, что я — русский, он предлагает первым делом взглянуть на византийские фрески. «Мамлюки, захватив Калаат-Маркаб, переделали католический храм (к нему примыкала скромная византийская часовня) в мечеть — в восточной стене устроили михраб, — рассказывает немец, его зовут Георг. — Фрески закрыли толстым слоем штукатурки. Их случайно обнаружили в 1970-х, когда кусок штукатурки отвалился. Даже в мирное время церковь-мечеть и часовня были недоступны для туристов — в них велись затяжные исследовательские и реставрационные работы», — Георг говорит это с особой гордостью. Вот она, польза войны. Благодаря ей, у меня и у уставшей итальянки есть уникальная возможность поглядеть на византийские средневековые фрески в сопровождении немецкого офицера.

Мы входим в сумрачное прохладное помещение. Фрески с ликами святых открыты лишь на сводах, на стенах пока все та же штукатурка. У святых, по обычаю мусульман-фанатиков, затерты глаза. «В средние века, да и позднее, если мусульмане ленились полностью уничтожить христианские изображения людей, они просто выковыривали или замазывали им глаза», — со значением объясняет Георг. Ему явно нравится роль экскурсовода. «Вы могли бы стать замечательным экскурсоводом в Маркабе в мирное время», — замечаю ему. Он улыбается той типичной немецкой улыбкой, за которой можно скрыть даже преступления против человечности, газовые камеры и сапоги из кожи неарийских детей. Анджела берет его под руку — теперь она ведет под руки нас обоих. Наверное, итальянцы лучше разбираются в значении немецких улыбок — они их столько перевидали в первой половине XX века.

Солдаты перемещаются внутри замка обязательно с оружием. И на рядовых, и на офицерах — разгрузки, набитые магазинами, обязательно пристегнуты пистолеты, некоторые с автоматами. На донжоне — самой мощной башне крепости — разметка вертолетной площадки. У бойниц донжона двое снайперов — дежурят, разглядывая в оптику окрестности. Мы подходим к краю башни и смотрим на море — оно спокойно, солнечные блики и серые остроносые туши военных кораблей у горизонта. «О, как бы я хотела сейчас отправиться в море, в открытое море — искупаться, позагорать, — томно мечтает итальянка. Она раскидывает руки в стороны, будто пытается обнять море. — Эта дорога от шоссе к крепости была невыносима. Море излечило бы мою усталость». Немец: «Я могу организовать вам это удовольствие, если вы не против, если не сочтете мое предложение за наглость. Один из кораблей на рейде — наш, немецкий. Скоро сюда должен прибыть дежурный вертолет. Он заберет нас на корабль, и мы немного поплаваем на шлюпке. Удобства, конечно, не пятизвездочного отеля...» — «Георг, вы великолепны. Вы — настоящий немецкий мужчина, — восхищенно затараторила итальянка. — Если вы сделаете это, то я готова выполнить любое ваше желание» («любое ваше желание» она произносит с таким кокетством, что я чувствую, как в воздухе появляется легкий аромат афродизиаков знаменитых античных гетер). Мне с ними делать больше нечего: «Если вы не против, я продолжу осмотр крепости». Немец кивает, итальянка широко улыбается — в этой улыбке ни малейшей тени усталости.

Пока я прогуливаюсь по крепостной стене, ко мне обращается капитан. Он отлично говорит по-английски. Оказывается, он узнал меня — видел мое лицо среди присутствовавших на брифингах немецких генералов в Дамаске. «Идемте пить кофе. Самый разгар дня, вас может хватить солнечный удар», — приглашает он.

Офицерская часть гарнизона крепости живет в султанской диванхане-канцелярии. В некогда роскошно обставленном помещении теперь железные койки, штабеля деревянных ящиков с боеприпасами, сейф с оружием, на полу компактная газовая горелка с чайником. Обедают за каменным столом крестоносцев. Из большого арочного окна вид на город-порт Баньяс и автодорогу, идущую вдоль всего средиземноморского побережья Сирии.

«Как вам эта чертова война?» — спрашивает меня капитан. «По-моему, она слишком затянулась. Пора бы раздолбать „бармалеев“ и разъезжаться по своим странам, пусть сирийцы сами выбирают свое будущее. Они уже несколько тысяч лет с завидной регулярностью поднимают свою страну из руин», — отвечаю я, в уме прикидывая, тот ли ответ ждет от меня капитан. «Раздолбать», — повторяет он. — Легко сказать. Ваше русское командование преследует в этой войне свои цели, американцы свои, иранцы, турки... черт возьми, даже наши генералы, которые до войны вряд ли могли найти Сирию на глобусе, теперь рассуждают о каких-то „внешнеполитических интересах в регионе“. Мы же говорим на весь мир, что воюем здесь во имя глобальной стабильности, во имя человечности. Тогда какого же черта нам нужен „внешнеполитический интерес в регионе“?! Вот вы мне можете ответить?» — капитан заметно раздражен. Видимо, он выловил меня на крепостной стене, потому что увидел во мне свежего собеседника. «Поверьте, не вы один задаетесь подобным вопросом. Среди собравшихся в Сирии со всех концов планеты людей хватает разумных и действительно гуманных. И они терзаются схожими вопросами», — отвечаю я.

Для человека, пусть и отслужившего срочную в армии, знакомого с войной лишь по фильмам и компьютерным играм, реальная война представляется чем-то чудовищным, близким к Концу Света. Выпивая, гражданские, никогда не участвовавшие в настоящих боях, поднимают тосты за «вечное мирное небо над головой», за то, чтобы их никогда не коснулся ужас войны. Наивные ребята не представляют, для скольких людей в мире это действие является профессиональным заработком. Они не представляют, сколько людей на нашей планете лишатся привилегий, зарплат и карьеры, если небо над головой действительно станет «вечно мирным».

Политики, профессиональные солдаты, журналисты, контрабандисты, торговцы оружием, разработчики новых вооружений, директора заводов, производящих военные самолеты, танки и автоматы, даже профессиональные пацифисты, живущие исключительно на гранты, — что прикажете делать нам (а я один из них), если войны больше никогда не будет? Боевые действия — это наши кузницы, где мы куем свое личное счастье и благополучие. Наши жены, любовницы, родители, дети — неужели вы думаете, что они подвергаются угрозе попасть под случайный снаряд, под авиабомбежку, что им придется перебежать улицу под снайперским огнем? Разумеется, они в самых безопасных местах. Когда ты точно знаешь, где и почему функционирует войны, ты так же точно знаешь, где и как функционирует мир.

Война в Сирии для нас идеальный вариант — лучше, пожалуй, была бы только война на другой планете. Сирия достаточно далека от наших домов, банков и бухгалтерий. Подавляющее большинство из нас до войны ни разу не имело дело с живыми сирийцами. Поэтому сегодня мертвые сирийцы для нас — лишь статистика. Совсем немногие из нас имеют представление, что это за народ, из-за чего на самом деле

началась война. Совсем немногие из нас вообще задумываются над подобными вещами. У нас есть готовые формулы по поводу причин происходящей войны. И мало кто в Европе, Америке и других частях «цивилизованного мира» может их опровергнуть, ведь они понятия не имеют, чем была Сирия раньше — в мирное время, сто лет назад, тысячу. Сейчас эта страна — поле битвы «цивилизованного мира против международного террора». Здесь мир перекрашен в черно-белый. Черные, ужас и тьма — враги, «бармалеи», ублюдки, отрубавшие головы и сжигающие заживо своих врагов. Белые, добро и свет — вооруженные силы, подчиняющиеся Координационному центру многонациональной коалиции по борьбе с террором, и мы, обслуживающие эти силы. Не имеют значения сопутствующие потери из числа мирных сирийцев. Не имеют значения деньги, которые мы высасываем из бюджетов собственных стран (чтобы получить эти деньги, правительство России, например, закрывает очередные больницы и фельдшерско-акушерские пункты в малонаселенных районах Сибири и Дальнего Востока). Не имеют значения опасные для экологии боеприпасы, которые используют «силы света и добра». Не имеет значение и то, что к «бармалеям» примыкают тысячи или даже десятки, сотни тысяч (реальные цифры, к сожалению, достоверно неизвестны) мусульман-суннитов, загнанных в своих родных странах до крайней степени нищеты, до состояния, которое трудно назвать человеческим. Черно-белая — такой война в Сирии должна быть в сознании миллиардов жителей Земли, такой она должна остаться в мировой истории.

«Ты понимаешь, если я буду честно тебе рассказывать, то меня правительственная полиция или ваши же русские военные объявят пособником „бармалеев“, — говорит мне Саид-Ахмед, сириец, уроженец Ракки, беженец, он бежал из родного города в Дамаск три месяца назад.

Торжественный прием у командующего турецким экспедиционным корпусом в Сирии генерала Сельджука Акташа. Прием проходит во внутреннем дворе Дамасской крепости. Перед парадными воротами крепости (Баб-Шариф) памятник главному герою арабской военной истории — султану Египта и Сирии Салах-ад-Дину: металлический султан, на металлическом коне и в окружении своих металлических воинов. Рядом с памятником пост сирийских солдат — они проверяют документы следующих на прием. Под сводом Баб-Шариф пост турецких солдат — та же проверка документов. Охранники радушны и приветливы — светский раут военной поры отличается от светских раутов мирного времени лишь большим количеством военных на внешнем периметре. Внутри — никаких различий: угощения, официанты с подносами, дамы в роскошных нарядах и блеске ювелирных украшений, фраки, мундиры, сигары, правила этикета и негромкая музыка lounge.

Встречаю знакомого турецкого радиожурналиста Джема: «Мархаба, Джем». — «Мархаба, дорогой Искандер. Как ты? Как ваша великая Россия?» Пару минут обмениваемся любезностями. «Искандер, я бывал в Дамаске до войны раз двадцать. Не меньше, — у Джема возбужденный и радостный тон. — И очень хотел посетить эту прекрасную цитадель. Представь себе, ни разу мне это не удалось. Причина? Крепость была закрыта для посещения по реставрационным или археологическим причинам. Несколько раз правительство анонсировало ее открытие для туристов, но ничего не происходило. Понадобилась целая всемирная компания против террора». — «И ввод турецкой армии». — «Да, дорогой Искандер. Но что наша армия без наших генералов? Поверь мне, это всецело заслуга генерала Акташа в том, что прием проводится в Дамасской крепости. Наши генералы — эстеты, знатоки исто-

рии, культур, традиций». — «Достойные сыны Османской империи». — «Именно, — несколько понизив голос и приблизив свое лицо к моему, продолжает Джем. — Ты как потомок не менее великой империи должен меня понимать. Имперское мышление порождает великую эстетику, культуру. Великие эпохи творятся империями, а не крикливыми республиками или крошечными диктатурами, возмнившими черт знает что о себе». Джем перехватывает с подноса проходящего мимо официанта два бокала красного вина, один вручает мне и продолжает: «Что такое культура Ближнего Востока? Наследие двух империй: Османской и Персидской. Арабы, дорогой мой аркадаш, будем честны, не сделали ровным счетом ничего. Посмотри, к примеру, крепость, внутри которой мы с тобой имеем честь общаться, — построена в XI веке по приказу султана Тутуша I из рода турок-сельджуков. Перед входом в крепость стоит памятник Салах-ад-Дину — самому известному полководцу и правителю арабского мира. Но он не араб, он этнический курд, который завоевал власть, опираясь на армию, состоявшую из турок-сельджуков. Поэтому я и говорю, арабы во все века приносили только варварство. И лично меня несколько не удивляет, что „бармалейские“ банды нашли себе место в одной из арабских стран. Между прочим, пока арабы были под властью турок — миру они не грозили. Когда европейцы, англичане и французы вырвали их у нас и дали им свободу, арабы принялись за свое привычное дело: сеять хаос и разруху. Заметь, как только после Второй мировой появились независимые арабские государства, ни одного мирного года на Ближнем Востоке не было». — «Джем, ты неутомимый певец османского величия». Турок жестом предлагает мне пройти. Мы идем через зал под сводчатыми потолками, мимо арочных высоких окон и колонн. Джем продолжает: «Турки и русские всегда могут понять друг друга. Я не представляю, чтобы то же, что тебе, я говорил бы Анджеле, Ричарду, Пьеру, Пабло или Густаву — всем этим европейским ребятам. Европейцы всегда старались сравнить русских и турок. К сожалению, им это удавалось. Но между нами все равно гораздо больше общего, чем у каждого из нас в отдельности с любой из европейских наций. Вкус, вкус истории, Искандер, вот что есть у имперских народов. И именно этот вкус истории свел нас вместе в Сирии сегодня. В войне против „бармалеев“ победят ни сирийское правительство, ни европейцы и ни Америка. Победят турки, русские и иранцы. Мы выиграем эту войну, поверь мне».

Мы поднимаемся по винтовой лестнице на башню в восточной части крепости. Попивая красное вино, смотрим на кишки черного дыма, вываливающиеся из пригорода Джобар. Гул перестрелок в Джобаре здесь заглушают голоса и смех сотен торжественно разодетых людей, пришедших на прием генерала Акташа. «Вот он — арабский мир, — Джем показывает на черный дым. — Взорвать, обстрелять, уничтожить. Вспомни, как османы и русские вели войны в XVIII и XIX веках. О-о-о, это были поэмы, а не просто баталии. Это были сражения, полные рыцарского достоинства и отваги. Сегодня что это за война? „Бармалеи“, как крысы, копают тоннели, чтобы выскочить из-под земли где-то у нас в тылу. Словно исчадья ада, словно обитатели подземных мертвых миров. Взрывают автомобили на людных площадях, стреляют в спины наших солдат — низко, мелко, грязно». — «Джем, ведь ты не хуже меня знаешь, что среди „бармалеев“ большинство — иностранцы». — «Послушай, я уверен, тут больше болтовни, чем правды. И если уж говорить об иностранцах среди „бармалеев“, заметь, они влились в ряды арабов, они стали варварами, объединившись с арабами. Они почему-то не поехали в Индонезию — хотя и там хватает религиозных фанатиков. Они не поехали в Нигерию или на крайний юг Таиланда, где почти пятнадцать лет сепаратисты-мусульмане воюют против буддистского тайского правительства. Потому что

там нет настолько вопиющей жестокости, дикости, как в Арабистане. Не забывай об этом, дорогой мой аркадаш».

«Надо быть более политкорректным в своих текстах», — пишет мне редактор моего отдела. Она никогда не бывала в «горячих точках». Ненависть — для нее всего лишь один из эпитетов, необходимых для придания нужной окраски предложению.

«Если снова допустишь такие резкие выражения по поводу многонациональной коалиции, будем штрафовать», — новое письмо от редактора моего отдела. Стопроцентный аргумент. Значит, я не буду описывать в деталях историю семьи Аль-Исрави. Уникальная семья — ей повезло, что артиллерия многонациональной коалиции разбила в пыль именно их дом. Они жили в деревне на территории, подконтрольной «бармалеям». До фронта 10 километров. Командование коалиции вдруг решило провести на том участке фронта очередное наступление. Две недели его анонсировали. Наконец приступили к артподготовке. «Бармалеи» пришли в дом Аль-Исрави, потому что кто-то донес, что у них прячется наводчик правительственной армии. Всех членов семьи выгнали во двор и приступили к обыску. В деревне не было ни базы «бармалеев», ни их постов, ни их складов. Однако многонациональные снаряды методично сносили одну постройку за другой. Два попадания снесли дом Аль-Исрави полностью, вместе с «бармалеями». Чудом уцелевшая семья укрылись в подвале у соседей.

Через пять дней наступление, которое не привело ни к каким результатам, кроме 500 убитых солдат и «бармалеев» и 63 (по самым минимальным оценкам) убитых среди гражданских, семья Аль-Исрави села в рейсовый автобус и поехала в Дамаск. Соседи посоветовали. Кто-то им рассказал, что в Дамаске полно гуманитарных организаций, которые помогают беженцам. Два месяца семья живет в палаточном лагере для беженцев на окраине столицы, организованном под эгидой Организации Объединенных Наций. У них нет возможностей начать новое хозяйство, заняться строительством нового дома, потому что единственное, что им обещают многонациональные организации: когда будет одержана победа над «бармалеями», вы сможете вернуться к привычной жизни, вам помогут восстановить жилье и возобновить свое сельское хозяйство.

ЧАСТЬ 2. БЛАГОТВОРИТЕЛИ

«Не надо бояться разрушений. Трагична гибель человека. Разрушение дома нашей многонациональной авиацией, артиллерией, танками или атакой террористов — лишь досадная оплошность, которую легко исправить, которую мы обязательно исправим», — рассуждает второй помощник посла Китая в Сирии товарищ Си. Как и подобает любому китайцу, работающему за границей, у товарища Си есть маленькие европейские слабости. По утрам он предпочитает черный чай с молоком, по-английски (хотя для китайской культуры употребление молока — с древних времен варварская привычка, привычка врагов-кочевников, живущих на севере за Великой стеной), и во время приятной беседы он курит сигары. На столике между товарищем Си и мной две чашечки недопитого чая с молоком и коробка с сигарами. Одна из сигар уже дымится в пальцах дипломата. «Мы реализуем в настоящее время два проекта по восстановлению жилья и инфраструктуры в освобожденных районах Хомса. Три проекта на стадии согласования с сирийским правительством», — рассказывает китаец.

Старый город Хомса правительственная армия осаждала три года. «Барма-леи» засели там в самом начале войны и капитально обустроили оборонительные рубежи. В итоге при посредничестве коалиции, Красного Полумесяца и ООН после двух месяцев переговоров их убедили покинуть Старый город: им гарантировали безопасную эвакуацию в «бармалейский» район области Ракка, разрешили вывезти с собой семьи, все накопленное оружие, кроме бронетехники, да еще обеспечили гуманитарными грузами — продуктами и медикаментами. У «бармалеев» были серьезные проблемы с боеприпасами — главное, что способствовало успеху переговоров. Это произошло полтора года назад. Китай включился в войну год назад. Их военный контингент насчитывает около тысячи человек. Зато их гражданские структуры здесь разрослись за год до 20 тысяч человек.

Китайцы первыми смекнули, что пора бы заняться восстановлением страны — все равно точных сроков окончания конфликта никто спрогнозировать не может, а разрушенную инфраструктуру восстанавливать надо. Они очень хитро предоставили кредит сирийскому правительству: четко оговорено, на что правительство должно потратить полученные деньги (на строительство новых домов, больниц и школ в пострадавшей части Хомса). Так же было заключено соглашение между Китаем и Сирией, что восстановлением будут заниматься китайские строительные компании, которые будут нанимать рабочих по собственному усмотрению. Компании, разумеется, наняли на работу сограждан. Китайцы-строители в Хомсе получают в три-четыре раза большие зарплаты, чем получали бы за ту же работу на родине.

«Товарищ Си, почему ваши компании не наймут сирийских рабочих, ведь тогда затраты на рабочую силу можно будет значительно сократить?» — спрашиваю я. «Квалификация — главная причина. Невозможно найти среди сирийцев сотрудников с необходимой нашим компаниям квалификацией. Второй момент — языковой барьер. До войны в Сирии китайский язык изучался исключительно на факультете иностранных языков Алеппского государственного университета. В год факультет выпускал от двух до пяти переводчиков с китайского. — Товарищ Си вставляет клубы ароматного дыма между предложениями. — У нас есть отработанные, международно сертифицированные технологии строительства. Они используются сегодня в Хомсе. Мы же хотим быстрее обеспечить беженцев жильем, поэтому лучше применять уже подготовленные кадры, а не готовить их. В будущем, когда война закончится, мы, конечно, можем заняться подготовкой профессиональных строителей из сирийцев. Если пожелает правительство страны. Сегодня же нас больше интересует благотворительность — в нынешних условиях это лучшее, что мы можем сделать для сирийских граждан». Отпив немного совсем остывшего чая, я говорю: «Однако ваша благотворительность экономически рациональна». Товарищ Си позволяет себе снисходительный смешок — будто учитель над неразумным учеником. «У нас есть поговорка. Если сосед голодает и просит у тебя горсть риса, дай ему две горсти, но попроси его шляпу, — говорит китаец. — Смысл в том, что необходимо быть великодушным, то есть дать просящему больше, чем он просит. И достаточно практичным: шляпой голодающий сыт не будет, а тебе она поможет в следующем сезоне, когда ты снова будешь сажать рис, чтобы не напечь голову под жарким солнцем». Товарищ Си нажимает кнопку на нижней плоскости столика. Мгновенно появляется его секретарь — молодая китаянка в ярко-красных туфлях на высоких шпильках. Он дает ей несколько коротких указаний, сделав строгое лицо. Когда второй помощник посла поворачивается ко мне, его лицо снова излучает мягкую улыбку.

«Должен вам сказать, господин Ли-бин, война — не столь уж и плохая штука, — неожиданно выдает товарищ Си. — Война дает возможность делать добро. Вижу,

вас несколько не удивила моя мысль». Не успеваю ответить. Входит прислужник, сириец, с подносом. На подносе две чашечки с чаем по-английски. Прислужник ставит чашечки перед нами, а остывший чай забирает. Когда дверь за ним закрывается, отвечаю: «Меня ваша мысль не удивляет, потому что я сам о чем-то подобном много раз думал. Если бы не было войн, то вряд ли человечество ценило бы мир. Если бы не было зла, вряд ли мы понимали, что есть добро». — «Да, совершенно верно. Вы в душе настоящий конфуцианец, господин Ли-бин».

Звонит итальянка Анджела, она просит рассказать ей про «каменные развалины некоего Угарита». Для меня это повод пригласить ее на свидание. Вечером — стемнело, и горят уличные фонари — мы прогуливаемся по Старому городу Дамаска. «Как прошла прогулка с Георгом?» — спрашиваю первым делом я. «С Георгом? О ком ты?» — «Тот немецкий офицер, с которым мы познакомились в Калаат-Маркаб, который обещал тебе морскую прогулку». — «Ах, это. Мне, по правде говоря, неудобно перед ним. Когда мы прилетели на корабль, я познакомилась с их командующим, адмиралом Вайнцем. Он был такой настойчивый, напористый. Алессандро, он взял меня в плен! Мы, итальянцы, не умеем сопротивляться немцам, — она покачала головой и закатила глаза. — Однако адмирал Вайнц несколько стар для меня. Поэтому не могу сказать, что я наслаждалась в его плену».

Мы пересекаем площадь Марджет. Здесь стоит единственный в мире памятник телеграфу — трехметровая чугунная колонна, опутанная рельефными изображениями телеграфных столбов и увенчанная миниатюрной мечетью. Под памятником сидят десятки сирийцев — преимущественно мужчин и подростков. Это — беженцы. Они собираются здесь, чтобы поделиться новостями, найти родных, близких либо передать сообщения для родных и близких. Сообщения обычно передаются устно — письменное сообщение может быть использовано и на правительственной территории, и на территории «бармалеев» в качестве доказательства, что ты шпион врага. После нескольких коротких бесед беженец находит человека, который скоро отправляется в нужное село или город, сообщает ему необходимую информацию и добавляет к ней две-три сотни сирийских лир. Схожим образом работал «базарный телеграф» в Сирии до начала XX века. До сих пор подобным образом работает «бедуинский телеграф» в пустынях Ближнего Востока.

На тротуаре возле мечети Мохи ад-Дина стоят пластмассовые столики и стулья. Это импровизированное кафе, где беженцы пьют крепкий, очень сладкий чай и курят сигареты. Коренные горожане предпочитают сидеть в традиционных кафе: под крышей или на веранде. «Давай посидим здесь», — предлагаю Анджеле. «Здесь?» — «Слушай, я же никогда не предлагаю тривиальных мест». — «Только недолго. Здесь не очень-то уютно, среди этих потрепанных синьоров». Я оставляю ее за столиком и иду к огромному электрическому самовару, возле которого колдует сухошавый вислоусый сириец. Беженцы улыбаются мне, один из них хлопает меня по плечу и показывает, чтобы я подходил первым. «Чай?» — спрашивает вислоусый. Показываю «два». Он разливает чай, подает мне чашечки на блюдцах, добавляет на блюдца по три кусочка сахара. Когда я протягиваю деньги, чтобы расплатиться, один из беженцев, пожилой мужчина с красно-белыми платком, намотанным вокруг шеи, в старом выцветшем пиджаке и черных шароварах, задерживает мою руку и платит вместо меня. «Шукран джазелян», — благодарю его. Стоящие рядом сирийцы одобрительно кивают ему и мне.

«Алессандро, расскажи мне все-таки про Угарит», — просит Анджела. «Что именно ты хочешь знать о нем?» — я поднимаю голову, чтобы посмотреть на восьмигранный минарет над нами. Он построен из светлых и черных каменных

блоков в 1618 году османским султаном Селимом I. Внутри мечети Мохи ад-Дина хранятся кости известного в XIII веке андалусского суфия Мохи ад-Дина ибн аль-Араби. «Это тоже крепость вроде Маркаба?» — спрашивает итальянка. «Не совсем. Это город. Очень древний город. Финикийский, — говорю я. — Первое поселение на месте Угарита появилось восемь тысяч лет назад». — «Он же на берегу моря?» — «Точно. Благодаря своему приморскому положению поселение превратилось в крупный порт, когда его населяли финикийцы. Расцвет Угарита приходится на второе тысячелетие до нашей эры. Раскопки на его развалинах велись с 1929 года вплоть до начала нынешней войны. Откопаны были громадный царский дворец, царская и жреческая библиотеки, жилые дома, главная улица, крепостные стены. Площадь города — 25 гектаров. Своеобразная архитектура — конусовидный тоннель, ведущий в царский дворец, фундаменты зданий из плитняка, стены из обтесанных до идеальной гладкости огромных блоков (наподобие блоков этой мечети, но несколько больших размеров), — показываю на мечеть Мохи ад-Дина, — подвалы в жилых домах, прямые улицы. В дома, дворец и храмы обязательно вели каменные ступени. Угарит был роскошным городом. Близостью к нему, к его истории гордится Латакия, родиной город сирийского президента. От Латакии до Угарита 12 километров вдоль морского берега. Местные школьники на факультативных занятиях изучают угаритский язык, угаритскую письменность, мастерят различные поделки с надписями на угаритском». Анджела допила чай. По ее выразительной мимике ясно, что она порядком устала от пристальных взглядов мужчин-беженцев. Мы идем дальше — в сторону Дамасской крепости.

«А мне звонят тут вчера знакомые албанцы, — рассказывает Анджела. — Они владеют огромным холдингом в Албании. Половина зданий в центре Тираны принадлежит их холдингу. Спрашивают, что я думаю, если они займутся гуманитарным проектом — сохранение и электрификация развалин Угарита. Уловили, понимаешь, глобальный тренд — надо заниматься хоть каким-то делом в Сирии, чтобы конкуренты и партнеры решили, что ты связан с мировыми державами, ведущими мировыми политиками, вообще... Понимаешь, какие жуки?» Итальянка очень довольна собой, что раскрыла замысел хитрых албанцев. Она щелкает пальцами и пританцовывает от удовольствия: гибкие движения ногами и бедрами, Анджела — умелая танцовщица. Это мгновенно вызывает реакцию сирийских мужчин и женщин — они одобрительно восклицают и показывают поднятый вверх большой палец. Итальянка делает им поклон и прибавляет шаг. «Ох, албанцы, хитрющие. У нас в Италии они вроде цыган. С ними лучше не ссориться. — поучает она. — Могут и порчу навести. В албанских горах до сих пор живут очень сильные колдуны, их услугами пользуются итальянские политики. Я знаю пять депутатов и двух наших министров, которые регулярно ездят к колдунам в горах возле Шкодера. Но даже когда дружишь с албанцами, надо, как говорится, держать ухо востро. Они могут обделать с твоей помощью какое-нибудь сомнительное дельце, а ты ничего не поймешь — пока к тебе домой не ворвется спецназ карабинеров».

Южная окраина городка Тель-Тамар. Здание бывшей больницы. Сейчас тут позиции и казарма солдат правительственной армии. Вдоль стены бывшей больницы земляная насыпь высотой в человеческий рост. Солдат Ахмат через переводчика объясняет, что из-за насыпи лучше не высовываться: может обстрелять снайпер «бармалеев». За насыпью бывший ресторан — бетонный одноэтажный куб с крышей из листового железа. Крыша разодрана взрывом, по стенам выбоины от осколков. Ахмат говорит: «Мина двадцатимиллиметровая попала. Два дня назад». Дальше 200 метров открытого пространства — поле и речка Хабур. За речкой де-

ревня Тель-Шамиран. В Тель-Шамиране позиции «бармалеев». Из деревни и позади нее поднимаются шлейфы черного дыма. «Час назад по ним отбомбились англичане, русские и суданцы», — показывает Ахмат на дымы.

Соседнее здание занимает местное ассирийское ополчение. Бетонные блоки и земляная насыпь ограждают здание со стороны Тель-Шамирана. Всего в 50 метрах от этих позиций в глубь города — пекарня. У окна раздачи собрались немногочисленные неухавшие жители Тель-Тамар, десятка два человек, — получают хлеб, стопки тонких круглых лепешек.

Редакция настаивает, чтобы я прислал материал с «передка». Я выбрал тот участок фронта, куда реже всего ездят другие журналисты. Тель-Тамар и три десятка окрестных деревень вдоль Хабур до войны населяли ассирийцы — древний месопотамский народ, исповедующий разные версии христианства.

Бои в районе Тель-Тамар начались около года назад. В городке на тот момент проживали до 10 тысяч человек — местные жители и беженцы. Деревня Тель-Шамиран была полностью под контролем правительственной армии. Там же располагались взвод английского спецназа и два взвода иракского элитного подразделения «Золотая дивизия». Территория «бармалеев» начиналась в соседней деревне Тель-Насри. 23 февраля прошлого года «бармалеи» атаковали окрестности Тель-Тамар, убили и похитили 335 ассирийцев. Город и окрестные деревни спешно покинули почти все жители. Причем, как рассказывают правительственные солдаты и ассирийские ополченцы, часть из них — преимущественно ассирийцы и курды — уехали в другие районы, подконтрольные «цивилизованному миру». Часть — преимущественно арабы — отправились на территорию, контролируемую «бармалеями». Городок пуст. На многих столбах развешана символика правительства и многонациональных сил по борьбе с террором. По улицам, пыля, иногда проносятся армейские пикапы и бронетехника. Одинокая забытая курица неспешно прогуливается во дворе покинутого дома. Если не приглядываться к домам, не замечать отдельных выбоин от осколков и пуль, то это обычный ближневосточный городок с низкоэтажной застройкой. Но он пуст. Он слишком пуст для ближневосточного городка. Магазины и мастерские, которые должны шуметь, впускать и выпускать людей, закрыты, занавешены металлическими жалюзи. На мотоцикле проезжает один из местных жителей, получивший хлеб в пекарне, — его черный длиннополый халат развеивается по ветру.

Позиционные бои тянутся с прошлого февраля. Вялые перестрелки, периодические бомбардировки авиации. Но активных атак не предпринимает ни одна из сторон — речка Хабур стала своеобразной границей.

Солдаты рассказывают, что среди убитых исламистов много «китайцев». Они наглядно показывают — растягивают пальцами глаза до узких щелок. Однако русскоговорящий доктор Хасан, который работает неподалеку в госпитале Красного Полумесяца, объясняет мне, что это — узбеки, или киргизы, или казахи, а может туркмены. Доктор Хасан учился в Молдавии, в независимой Республике Молдова, он лучше разбирается в национальностях. Правительственные солдаты и ополченцы, те, с кем я успел пообщаться, дальше Сирии не выезжали, их знания в этнологии весьма посредственны. «Это из Средней Азии, я извиняюсь за выражение, весь мусор сюда понаехал, — рассказывает доктор Хасан. — Вы думаете, среди террористов много сирийцев? Очень и очень мало. Незначительная часть. В основном иностранцы».

Британские спецназовцы, увешанные самыми современными средствами коммуникации и наблюдения, как елки, рассказывают, что неоднократно слышали, как «бармалеи» переговариваются в радиоэфире на английском. «Но те из убитых,

кого я видел, — говорит один из британцев, лицо его закрывает черная маска, — это арабы. Не сирийские. Слишком темные, кучерявые для сирийцев. Может быть, Ирак, может быть, Саудовская Аравия. Южные арабы. В любом случае правительственные солдаты и ассирийцы видели больше убитых, чем я».

Северная окраина Тель-Тамар — тыл. Сюда пригоняют с передовой танк Т-55 правительственных сил. На башне затертые надписи. «У „бармалеев“ отбили», — гордо говорит солдат по имени Мехмет. По его словам, у противника в этом районе 45—50 единиц различной бронетехники. У правительственных сил и ополчения тоже есть «броня». Американские «хамви», советские МТЛБ, обвешанные толстыми листами железа бульдозеры, к которым сверху приварены башни, в башнях пулеметы ДШК. Больше всего пикапов с установленными в кузовах ДШК или КПВТ — тачанок.

Сидим с бойцами ассирийского ополчения возле трофейного танка и пьем чай. Они полагают, что «бармалеи» идут в атаку, наевшись наркотиков. «Кричат „Аллах акбар“ и прут вперед, как ненормальные», — говорит Марьям. Марьям командует подразделением из 20 человек. Все ее подчиненные, кроме одной девушки, мужчины разного возраста. «Но если „бородатые“ видят, что по ним стреляют женщины, — продолжает Марьям, — они начинают более разумно себя вести: прячутся, передвигаются перебежками. У них включаются мозги сразу. Они очень боятся быть убитыми женщинами. Ведь они же тогда в свой рай не попадут. И против женщин «бармалеи» более жестоко и настырно воюют, чем против мужчин. Наверное, хотят всех женщин перебить, чтобы потом спокойно умирать, воюя против мужчин».

Над нами прокатывается гул от пролетающего самолета. «Англичане», — комментируют ассирийцы. Со стороны Тель-Шамиран долбит в небо зенитная установка. В ответ со своих позиций по «бармалеям» открывают огонь правительственные солдаты. Самолет улетает, не отбомбившись. Стрельба замолкает. Снова затишье.

Ко мне подходит один из командиров ассирийского ополчения. С ним человек приблизительно моего возраста — он в черной рясе, с большим серебряным крестом на груди и маленьких очках в тонкой оправе. «Епископ Мар Апрем. Он служил в местной церкви, — представляет мне командир своего спутника, — не могли бы вы его выслушать? Может быть, вам удастся помочь».

Мар Апрем служил в сиро-яковитской церкви Мар Муса, Святого Моисея. Теперь у нее разрушена колокольня и пробит купол. «Террористы специально метили по церкви, когда обстреливали город из тяжелых минометов», — уверен Мар Апрем. Он рассказывает о событиях, произошедших 23 февраля прошлого года. «Нас не смогли защитить ни иностранцы, ни наша правительственная армия. Поэтому позже нам пришлось сформировать свое ополчение. Террористы целенаправленно нападали в тот день только на ассирийские церкви, монастыри и дома ассирийцев. Ни местные арабы, ни курды не пострадали. Среди них не было даже раненых. Среди ассирийцев, — Мар Апрем поднимает указательный палец вверх, — 23 погибших. 312 были похищены. Полсотни человек были ранены».

За год пленных освободить не удалось ни правительству, ни многонациональным силам, хотя представители тех и других несколько раз встречались с ассирийской общиной Хабура и обещали освободить захваченных 23 февраля любыми методами.

«Мы по своим каналам вышли на террористов, связались с их командирами, — говорит епископ. — Нам удалось это сделать через родственников арабов, живущих на территориях, подконтрольных террористам. Выяснилось, что все 312 похищенных живы. Террористы готовы их вернуть за выкуп. По 50 тысяч долларов за каждого. Что делать? Мы обратились вначале к правительству. Я встречался с замес-

тителем губернатора нашей области. Он пообещал помочь и добавил: „Букра иншалла“. Если вы достаточно долго в Сирии, то должны знать, когда человек говорит „букра иншалла“, то он никогда не сделает обещанного. Наш патриарх обратился к состоятельным прихожанам, чтобы они помогли собрать необходимую сумму».

Через полгода удалось собрать 11 миллионов долларов. «Бармалеи» согласились за эти деньги отпустить 226 заложников. Ассирийская община продолжила собирать выкуп за оставшихся в плену. «Я ездил в Канаду. Нам очень помогла тамошняя ассирийская диаспора, некоторые из ее членов довольно влиятельны в местной политической среде и состоятельны, — продолжает рассказ Мар Апрем. — Пару недель назад я вернулся из Канады с достаточной суммой, чтобы выкупить оставшихся заложников. У ассирийцев нет регулярной профессиональной армии, нет специальных подразделений по освобождению заложников, поэтому единственный наш рычаг давления — деньги. Загвоздка в том, что полтора месяца назад ООН приняла резолюцию, запрещающую какие бы то ни было финансовые отношения с террористами, воюющими в Сирии». Да, я помню эту резолюцию. В медиа она подавалась как очередная грандиозная победа «цивилизованного мира над международным террором». Даже есть прецедент исполнения резолюции — троих сирийцев судили за то, что их уличили в оплате «налога за веру». Все трое получили по два года тюрьмы.

«Чем же я могу вам помочь? Нужна статья в российской прессе?» — спрашиваю я. «Не думаю, что сейчас стоит устраивать публичную шумиху по поводу оставшихся заложников, — говорит Мар Апрем. — Если бы вы смогли организовать мне встречу с кем-то из русского командования... Мы такие же православные люди, как и русские. Русские всегда помогали нам. Надеюсь, что вашим военным удастся оказать нам содействие».

Когда я и сопровождающие меня переводчик и офицер правительственной армии возвращаемся из Тель-Тамар в Дамаск, возле Хомса наша машина обгоняет колонну самоходных артиллерийских установок М109 американского производства. «Вот и бразильцы теперь в игре, — комментирует офицер, он свободно говорит по-русски. — Они вчера должны были прибыть в Баньяс». Полмесяца назад парламент Бразилии принял единогласное решение об отправке «ограниченного контингента для борьбы с международным терроризмом в Сирию» (цитата из пресс-релиза бразильского правительства). Следующую неделю чиновники обсуждали, какие именно части должны составить контингент. Решили, что 12 САУ и батальон охранения.

«Их дислоцируют на горе Касьюн над Дамаском, — рассказывает офицер. — Отвели им участок совсем рядом с пещерой Магарат ад-Дамм, в которой Каин убил Авеля. Будут оттуда бомбить „бармалеев“ в Джобаре, Джисрине, Кфар-Батна, Харасте, Акрама и Бейт-Сахме». Я уточняю: «На Касьюне уже французская артиллерия, иорданские САУ, установки „град“ пакистанцев. Разве хватит места для бразильцев?» Ухмыляясь, он отвечает: «Вот я и говорю, что им место возле самой Магарат ад-Дамм отвели. Свободного места на Касьюне почти не осталось. Если кто-то еще решит туда заехать, то придется размещать их в пещере».

«Как же мы позволили разрушить нашу страну? — риторически, ни на кого не глядя, спрашивает Саид-Али. — Как же вовремя недоглядели?» Я, немецкий радиожурналист Густав, его коллега из Лондона Джозеф, Анджела со своими подружками украинкой Софьей и француженкой Люси и старый рыбак из Латакии Саид-Али сидим на берегу Средиземного моря. В двух километрах за нашими спинами раз-

вадины Угарита. Великолепный солнечный день, спокойное море, почти безлюдный берег, у нас с собой три бутылки ливанского, посредственного качества красного вина — кажется, что большего для счастливой жизни и не надо.

Саид-Али не поймал ни одной рыбешки. Он толком не знает, сколько часов тут рыбачит. «Я достаточно стар, чтобы не заботиться о времени», — сказал он нам, когда мы подошли к нему со своим любопытством «клюет, не клюет». Он угостил нас сигаретами, мы предложили ему выпить. «Один стаканчик», на который согласился рыбак, до сих пор стоит нетронутый. А мы успели опорожнить одну бутылку (Густав убрал ее в рюкзак: «Не смейте мусорить»).

«У нас была прекрасная страна, великолепная страна, — говорит Саид-Али, отложив удочку и закуривая. — Лучшая страна Ближнего Востока. До войны мы жили все вместе: арабы, курды, туркоманы, ассирийцы, мусульмане, христиане, езиды. Никто не спрашивал тебя про твою веру, твою национальность. Это — правда. Скажу откровенно, то, что государство у нас было авторитарное, — совершенно оправданно. При таком разнообразии конфессиональном, этническом, при том, что народ у нас очень „горячий“, нами надо управлять „железной рукой“. И если правитель справедлив, если он правит справедливо, то какая разница, как называется его государственный строй — авторитарный или демократический?» — сириец глядит на нас по очереди, ждет реакции. Джозеф, прямая спина, корявое лицо вырожденца из старинного знатного рода, отвечает первым: «Вы очень мудро рассуждаете. Однако авторитаризм не может быть справедливым в корне. Он не гарантирует равенства прав и возможностей граждан. Это заложено в самой его сути. Авторитаризм — это пирамида. И тот, кто внизу, не может оказаться выше или на равных с тем, кто выше него. Конструкция авторитарного государственного строя не позволяет». Густав, он единственный из нас хорошо владеет арабским, переводит. Саид-Али будто не замечает слов англичанина, продолжает: «Мы жили хорошо. Мы жили даже лучше, чем наши соседи: турки, израильтяне, арабы Залива. Это их спецслужбы, турецкие, израильские, саудовские и катарские, организовали войну. Завезли к нам оружие, боевиков, взбаламутили наше население, сколотили из сирийских бандитов военные отряды. Они заварили эту кашу. И они больше всего мешают, чтобы „бармалеев“ наконец разгромили. Разве возможно такое: пятьдесят сильнейших стран мира воюют против нескольких тысяч сумасшедших террористов и не могут их победить? Нет, только если война идет нечисто». Теперь отвечаю я: «Ваша страна должна гордиться нынешней войной, уважаемый Саид-Али. Сирия должна гордиться, что именно она стала полем великой миссии „цивилизованного мира“. Если бы не было этой войны, то ее надо было бы придумать. Весь „цивилизованный мир“ объединился ради борьбы с силами зла, тьмы, варварства. Это как реинкарнация Второй мировой — тогда врагом человечества был нацизм, сегодня „бармалеи“. Борьба с нацистами объединила коммунистов с капиталистами, европейцев с американцами, негров с белыми — великолепный интернационал. Вторая мировая на самом деле стала спасением разваливавшегося в 1930-х годах мира. Человечество в тридцатых захлебывалось в отчаянных попытках понять, куда ему надо двигаться. Происходили десятки локальных войн по всей планете. Капиталисты называли себя коммунистами, коммунисты защищали националистов и рабовладельцев, рабы-негры убивали таких же рабов в Азии, чтобы защитить своих белых господ. Мир переживал грандиозную ломку. Он мог погибнуть. Но появился нацизм — он показал ужас, который постигнет мир, и таким образом он спас мир. Угроза нацизма объединила человечество. Сегодня угроза нового средневековья, „бармалейского“ варварства объединила мир». Густав говорит мне: «Что ты несешь? Ты хочешь сказать, что угроза международного терроризма

спасает мир? Я не буду переводить». Софья говорит мне по-русски, лишь я и она из нашей компании понимаем русский: «Ты хочешь обидеть дедулю? Как можно говорить человеку, что он должен гордиться войной, которая стубила пол-миллиона его сограждан». Отвечаю на русском: «Ты, Софья, как ваша днепрпетровская аэромобильная бригада, которая окружила Аз-Забадани, обстреливает его потихоньку третий год и не двигается ни взад, ни вперед. Ты за все время, проведенное в Сирии, не продвинулась в понимании этой войны — ни взад, ни вперед». Она машет рукой в мою сторону, будто отгоняет назойливую муху или комара. «Каким образом, по-вашему, — говорю теперь на английском, — надо объяснять эту войну сирийцам? Весь мир воюет здесь, чтобы защитить их правительство и президента, как рассказывают сирийские телеканалы? Это чушь, бред. Даже сирийские дети не верят в такой бред. Хорошо, скажите им честно: ну, мы тут деньги зарабатываем, наши военные тоже, еще куча организаций и разных иностранных авантюристов, у нас и у них проста такая работа — зарабатывать на войнах...» Меня перебивает Анджела: «Алессандро, ты не в себе. Я тебя не узнаю. Верно, ты перегрелся на солнце». Люси: «Месье Рюбин, успокойтесь».

Мы снова дружны и веселы через несколько часов и три литра отвратительной араки, турецкой анисовой водки (из крепких напитков только араку нам удалось найти в Латакии, в городе дислоцированы 13 тысяч иностранных военных и 65 тысяч иностранцев, обслуживающих их, — для полумиллионного города это причина перманентного дефицита алкоголя). Мы заваливаемся в крошечную гостиницу в центре, построенную колониальными французскими властями в 1920-х. Долго, мешая друг другу, шутя, громко смеясь, мы поднимаемся на второй этаж по узкой деревянной лестнице — гостиница на втором этаже, на первом — магазины. Над деревянной стойкой ресепшн — с колониальных времен висит предупреждение на арабском: арабам запрещено селиться в одних номерах с женщинами, даже с собственными женами. На европейцев ограничение не распространяется. Мы выбираем четырехместный номер (самый большой), потому что намерены провести эту ночь все вместе. Из окон — рамы деревянные, заметно, что крашенные множество раз — виден памятник предыдущему президенту Сирии, отцу нынешнего, и здание местной госбезопасности. Администратор-сириец обещает принести в номер две раскладушки — нас устраивает. «Ребята, вслед за бразильскими военными должны приехать их тележурналистки. Они — настоящий огонь, ребята. Я веселился с ними во время Олимпиады в Рио-де-Жанейро. С ними...» — Густав не успевает договорить и засыпает, заваливается на одну из кроватей.

На следующий день в Латакии происходит Парад культур. Представители военных контингентов, воюющих в Сирии, представляют свои национальные культуры.

До ввода коалиционных сил в Сирию в Латакии, помимо местных жителей, было не меньше двухсот тысяч беженцев из разных районов страны. С тех пор как коалиционное командование приняло решение, что именно тут будет размещаться главный штаб и прочие командные структуры, в городе запрещено проживание сирийцев, не имеющих местной прописки. Столица правительства и президента Сирии — Дамаск. Столица иностранных сил, явившихся «защищать цивилизацию от дикости» (цитата из коммюнике индийского Министерства обороны), — Латакия.

Сюда привезли, конечно, несколько автобусов с детьми-беженцами, лучшими учениками школ Дамаска, Хомса и Алеппо, чтобы они посмотрели Парад культур, но свободно попасть на мероприятие обычным сирийским гражданам невозможно. Вокруг города усиленные блокпосты. В небе снуют туда-сюда военные вертолеты, штурмовики и беспилотные аппараты наблюдения. На рейде караулят американский

авианосец, мексиканский фрегат, российский большой противолодочный корабль, английский эсминец, китайская субмарина и несколько индонезийских патрульных катеров.

«Когда же закончится эта проклятая война?» — спрашивает меня англоговорящий таксист-сириец в Алеппо. «Эта война позволяет „цивилизованному миру“ совершать благие дела, творить добро во имя всего человечества, — отвечаю, глядя на дома, разрушенные во время ожесточенных боев полгода назад. — Добро „цивилизованного мира“ не имеет границ — и во времени тоже. Поэтому не надейтесь, что мир наступит скоро».

«Помнишь, кто был до „бармалеев“?» — спрашивает меня редактор белградского еженедельника Слободан. «Не помню, сейчас складывается впечатление, что „бармалеи“ были всегда. Что эта война идет из века в век. Война добра и зла», — отвечаю на его родном сербском. Слободан смеется: «Православный славянин всегда поймет православного славянина. Со мной твои шутки не пройдут. Немцам, китайцам и хорватам рассказывай. Я серьезно». — «Хорошо, и я серьезно. Я действительно не помню, кто исполнял роль „бармалеев“, пока они не вылезли на сцену». — «Наверное, потому что ты еще очень молод, брате Александар. До „бармалеев“ были сомалийские пираты. Вспоминаешь?» — «Слобо, как же ты прав. Точно».

Это было в середине нулевых. Гражданская война в Сомали продолжалась к тому моменту полтора десятка лет. Беженцев из этой страны не принимала даже соседняя Эфиопия — одна из беднейших стран в мире. Несчастные сомалийские рыбаки и морские контрабандисты придумали себе промысел. Они купили автоматы и гранатометы у враждовавших между собой вооруженных группировок. Оседлали деревянные — длинные и остроносые — рыбацкие лодки хорошими японскими моторами и отправились промысливать. Они захватывали контейнеровозы и рыболовные сейнеры, проходившие мимо сомалийского побережья. Пригоняли суда к своим приморским деревням и требовали выкуп у компаний, владевших судами и грузами. «В 2008-м сомалийцы угнали 42 контейнеровоза и получили на выкупах за них 80 миллионов долларов США. До появления пиратов иностранные браконьеры, пользуясь полным отсутствием какого-либо морского контроля у побережья Сомали, ловили лобстеров, креветок и тунца на 300 миллионов долларов в год в ее территориальных водах», — рассказывает сербский редактор. В конце нулевых, если судить по основным мировым медиа, главнейшей угрозой в мире были «сомалийские пираты». Правда, на фото выглядели они совсем не впечатляюще: худющие, длинные, в каких-то потрепанных обносках, закрывающих их тела, со старыми модификациями автоматов Калашникова и гранатометами РПГ не первой свежести. Тем не менее «цивилизованный мир» приступил к борьбе с «международной угрозой». Нет, не вводили международные наземные силы в страну, не утихомиривали воюющие за власть местные кланы, не пытались восстанавливать экономику и инфраструктуру, не предлагали бывшим сомалийским рыбакам более мирную альтернативу. «Цивилизованный мир» отправил к сомалийскому побережью самые современные военные корабли. Территориальные воды Сомали патрулировали английские, голландские и датские фрегаты, российские большие противолодочные корабли, флагманы норвежского, португальского и украинского флотов, американский ударный атомный авианосец «Энтерпрайз» вместе с ракетными эсминцами, военные корабли Ирана, Японии, Саудовской Аравии, Малайзии, Индии, Южной Кореи, Китая и Швеции. Иностранная авиация бомбила рыбацкие деревни, пафосно названные «пиратскими базами». За пять лет международные силы добра и света

загнали сомалийских пиратов-рыбаков обратно на берег. Война внутри Сомали продолжалась. Она до сего дня не закончилась.

«А в 1990-х главными „бармалями“ в мире были мы, сербы», — добавляет Слободан. Говорю ему: «С вами „цивилизованный мир“ разобрался за три года. С сомалийскими пиратами — за пять лет. Полагаю, нынче „цивилизованный мир“ будет гораздо благоразумнее и не будет так торопиться с победой. Все-таки стабильность вида и местоположения „мирового зла“ важна для стратегического планирования. Когда ты точно знаешь, где именно и в какой конкретно форме „международная угроза“ будет существовать ближайшие лет десять, значительно легче заниматься долгосрочными планами, обеспечивать рабочими местами своих граждан, родственников, друзей и оптимизировать траты на имиджевые услуги».

«Да вы чертов революционер, мистер Райбин!» — сытым тоном абсолютно уверенного в себе человека говорит Джек. Он смеется — выкидывает из себя громкие смешки, чтобы подчеркнуть мою наглость и свою абсолютную уверенность и сытость.

Джек — культовый ведущий американского телеканала, вещающего из Нью-Йорка на весь говорящий и совершенно не говорящий на английском свет. Если бы не женщина, если бы не черноглазая, одевающаяся всегда со вкусом и умеющая вовремя показывать нужные эмоции итальянка Анджела, я бы не стал настолько откровенно разговаривать с Джеком. Ведь он изначально показался мне недостойным моих искренних мыслей. Наоборот, он показался мне слишком пропитанным заученными истинами «цивилизованного мира», чтобы говорить с ним начистоту. Он такой и есть, каким казался мне. Коварные итальянки... впрочем, они подставляли королей и герцогов старины, философов и талантливейших писателей, поэтому не стоит сильно расстраиваться из-за профессиональной их женственности.

Знакомство завязалось на приеме генерала Касима, командующего иранским экспедиционным корпусом в Сирии. Величайший иранец нашего времени — говорят о генерале Касиме. Он не дает официальных интервью. Но возможность встретиться с ним, поговорить хотя бы несколько минут считается редкой удачей среди журналистов, работающих в Сирии.

О том, что генерал Касим устраивает прием, стало известно за пару дней до приема. Никаких пресс-релизов, никаких официальных заявлений. Информация распространялась через друзей, через близких, через людей, которым доверяешь не меньше, чем себе. Мне рассказал о предстоящем приеме турок Джем. Я же рассказал о нем только редактору белградского издания Слободану и Анджеле из Рима. «Как я должна одеться на этот прием, по твоему мнению?» — отреагировала итальянка на мое сообщение. «Иранцы что-то замышляют», — отреагировал серб. Итальянка оделась, как школьница-старшеклассница, намеренная соблазнить самого строгого учителя, и заплела две хулиганские косички (тотально противоположно моему предложению). Серб подготовил список вопросов на три страницы печатного текста.

Прием происходил вечером на базе «Корпуса стражей Исламской революции», расположенной в пустынных горах восточнее автотрассы Дамаск—Хомс, в древнем, заброшенном 800 лет назад христианском монастыре Мар Муса. «Стражи» — элитное военно-политическое подразделение иранской армии, иранского государства вообще («политическое подразделение» подразумевает очень широкие функции). Генерал Касим — глава «стражей». Его еще называют «серым кардиналом» Ирана. По данным самых разных журналистов, идейным вдохновителем войны в Сирии в ее нынешнем виде, войны «цивилизованного мира против международного террора», является именно генерал Касим. Перед тем как вооруженный конфликт правительства Сирии против радикальных религиозных группировок при-

обрел масштабы «глобального конфликта», «столкновения света и тьмы», глава «стражей» посетил Москву, Вашингтон, Пекин, Стамбул и Берлин. Именно в том порядке, в каком я перечислил.

По легенде, генерал Касим родился в крестьянской семье в маленькой деревне (тогда в ней жило не больше ста человек, сегодня — не больше четырех сотен) в пустынной провинции Керман. Ему рано пришлось заняться зарабатыванием денег — семейные интересы того требовали. Он работал в строительной бригаде с 15 лет. Когда он проходил срочную военную службу, началась война Ирана с Ираком. Сержант Касим прославился своими смелыми рейдами по тылам врага. Получил офицерское звание, и вся дальнейшая его карьера была связана с военной службой. Неофициальная версия его родословной гласит, что он принадлежит к роду последнего иранского шейха Пехлеви. Благодаря связям семьи получил великолепное домашнее образование и войну против Ирака начал в чине подполковника, командира батальона специального назначения военно-десантных войск.

Иранцы встречали гостей в городке Ан-Небек на автотрассе Дамаск—Хомс. Отсюда в Мар Муса они доставляли своим транспортом. Я с Анджелой и Слободаном ехал среди красно-рыжих гор в лучах гаснущего солнца на огромном японском внедорожнике. Впереди, кроме водителя, сидел англоговорящий иранский офицер. «Ты видел фото Касима? — шепотом спросила меня итальянка. — Как мужчина он — о-го-го выглядит. Сколько ему лет? Около шестидесяти? Он гранд мачо. Заметь, на его фото ни грамма корректировки изображения. По-моему, такой мужчина может сводить с ума женщин одним взглядом». И тому подобное шептала мне итальянка, крепко держась за мое колено. Слободан всю дорогу курил трубку с глубокомысленным видом.

Монастырь сложен из дикого камня, плотно пригнанного друг к другу, в горной трещине. К нему ведет каменная лестница длиной метров в триста. В начале лестницы стояли иранские солдаты (причем безоружные), проверявшие прибывших металлоискателями. На парковке не более десятка однотипных японских внедорожников.

Наверху иранские солдаты (также безоружные) показали, куда идти. Мы — Анджела держала меня и Слободана под руки — вышли на открытую террасу, с которой открывался вид на серо-рыжую пустыню. Здесь уже собралось десятка два гостей. Среди них я увидел Джема. Он помахал мне рукой и подошел: «Искандер, Слобо, Ангела, рад вас видеть. Я был уверен, что Искандер сообщит вам о приеме», — он раскланялся с сербом и пожал двумя руками паучью ручку итальянки.

На террасе стоял стол с традиционными иранскими кушаньями и горячим чаем. Мы подошли к столу и накидывали один из видов пахлавы на маленькие блюда, когда Анджела вдруг восторженно объявила: «О, да это же Джек. Я хочу привести к вам кое-кого очень и очень интересного, мальчишки. Подождите немного». Глядя ей вслед, Джем прокомментировал: «Вертихвостка снова отправилась собирать главные призы дня», — и он положил на мое блюдо кусочек фисташковой пахлавы.

Большинство из гостей были отлично знакомы между собой — известные журналисты популярных в своих странах медиа. Мы дежурно здоровались, кратко обменивались последними новостями с фронтов и из штаба многонациональных сил.

Анджела действительно вернулась к нам, ведя за руку американца Джека...

Во-первых, у американца была литровая бутылка виски. Поэтому мы отошли к краю террасы, чтобы, словно подростки, украдкой заливать американским алко-голем. Во-вторых, Джек сказал: «О, русский, уважаю. Но ваши военные мешают нам добить „бармалеев“ и спасти наконец Сирию и весь мир от варваров». В-третьих, Анджела прижалась ко мне, обняв мою руку, и сказала тоном обиженного ребенка: «Алессандро очень искренний мальчик. Не путайте его с грязными делишками во-

енных — русских, нерусских, любых». Поэтому я вскипел и стал говорить Джеку то, что действительно думаю об этой паршивой войне: «Дружище, если бы не эта война, ты бы сдох от скуки, разговаривая в своих прямых эфирах с очередными „кинозвездами“, накачанными ботексом, а не интеллектом. Ваш гребаный западный мир сходит с ума, пытаясь найти достойного противника, с тех пор, как рухнул наш Советский Союз. Вам на самом-то деле нечего предложить миру — всему огромному в сотни наций и культур миру, поэтому вы ищете „глобального врага“, чтобы оправдывать, что вам можно иметь то, что нельзя неграм в Африке, русским, пакистанцам, жителям Гренландии и так далее. Дружище, один очень умный и хитрый иранец воспользовался амбициями вашего наглого правительства точно так же, как он воспользовался глупыми иллюзиями третьесортных правительств России, Турции и тому подобных, чтобы наши потомки убедились — иранцев нельзя недооценивать». И тогда этот уверенный в себе американец сказал: «Да вы чертов революционер, мистер Райбин!» Отхохотав как следует мою речь, Джек продолжил: «Это наивные идейки левых революционеров слишком глубоко засели в вашем разуме, мистер Райбин. Вы продолжаете искать врагов среди буржуа, капиталистов, олигархов, хотя их уже 25 лет как нет. Вы, будучи очередным леваком-революционером, отказываетесь принимать то, что в мире действительно существуют глобальные вызовы, на которые „цивилизованному миру“ пора реагировать всеми силами одновременно, а не усилиями отдельно взятых стран. Мир изменился. Перестаньте рассуждать догмами, которые были актуальны в начале XX века. Прошло сто лет. Очнитесь и попытайтесь понять современное состояние глобальной ситуации».

Было бы нелепо закончить горячую дискуссию между наглым американцем и всплывшим русским улыбками и рукопожатиями... Понятия не имею, кто меня оттаскивал от Джека, но это были крепкие руки нескольких человек, говоривших на непонятном мне языке.

Я так и не увидел в тот вечер генерала Касима.